

Аркадий Аверченко

Пантеон советов молодым людям, или Вернейшие способы, как иметь успех в жизни

От автора

Молодые люди! Я вижу — некому о вас позаботиться по-настоящему... Вас с детства учат истории, географии, геометрии и тригонометрии, но скажите по совести: разве все эти науки помогают вам в обычной вашей светской и сердечной жизни? Нужна ли вам тригонометрия, когда вы объясняетесь в любви дорогой вашему сердцу женщине. И зачем вам география, если вас пригласили на свадебный обед или на похороны вашего друга, или вы приступили к изложению смешного, для забавы общества, анекдота?..

Светская жизнь — очень хитрая, запутанная штука, и не всякому удастся проникнуть в ее прихотливые изгибы и завитушки.

Я проник! Я проник во все: и в психологию хорошенькой женщины, и в психологию жениха, и даже в психологию тетки жениха с материнской стороны. Я могу заботливо сопровождать вас по скользкому житейскому пути, деликатно поддерживая под руку, чтобы вы не шлепнулись носом о мать-сыру землю.

Я все могу.

Вы желаете сделаться журналистом и составлять заметки, которые вызовут сенсацию, — пожалуйста. Я вас научу этому. Желаете сказать речь над могилой вашего друга — говорите. С моей стороны никаких препятствий — сплошная поддержка. Вы — скажем — тщеславны в военном смысле слова и желаете сделаться полководцем... Кто вас научит этому? Кто наставит, — как не я, — ваш вечный, ваш мудрый, ваш неизменный друг.

Вот оно, какие дела.

Ну, всего хорошего — желаю вам успеха.

Арк. Аверченко

Умение держать себя в обществе и на званом обеде

Введение

Как часто видим мы, что человек — даже способный, даже талантливый — проигрывает в жизни только потому, что не умеет держать себя в обществе...

Один известный нам господин — автор гениального труда «Нравы и привычки ихтиозавров» — погиб во мнении приличного общества только потому, что однажды на официальном обеде не только резал спаржу вилкой, но еще и пил ликер из большой рюмки, как известно, предназначенной для белого вина, а, высосав тремя мощными глотками весь ликер, — утер губы краем пышного газового рукава своей дамы, хотя для этой цели у него был под самым носом край скатерти.

Человек, изумительно изучивший нравы и привычки ихтиозавров, — не знал нравов и привычек светского общества — и общество это сурово на другой же день закрыло перед ним двери.

Конец его был ужасен. Осматривая однажды с научной целью мыльный завод, он нечаянно упал в котел с кипящим мылом и сварился там, как курица в супе.

Читатели! Если не хотите, чтобы вас постигла такая же участь, — изучите нижеследующие советы, как держать себя в обществе, и следуйте им. Советы эти пригодны для любого общества — даже для «Общества Шкодовских заводов» или «Общества кролиководства», учрежд. в 1895 году.

Приглашение на обед

Получив приглашение на званый обед, вы отнюдь не должны тащить на этот обед всех ваших приятелей, не получивших приглашения, — радушно уговаривая их:

— Да пойдем, господа! Какого дьявола вы ломаетесь. Они ребята хорошие — всех накормят.

Явиться вы должны только в том количестве, которое указано в приглашении, и явиться вы должны только за 15 минут до указанного вам часа. А то другой светский молодой человек способен забраться к хозяевам званого обеда — вечером предыдущего дня, захватив с собой халат и ночные туфли и мотивируя свой поступок так:

Я, знаете, уж решил пораньше... Чтоб и переночевать у вас. А то — знаю я ваших гостей — опоздай на пять минут, так они родного отца слопают, не только обед.

Форма одежды — фрак или смокинг. Пижама — даже из дорогого тончайшего шелка — не произведет на присутствующих того впечатления, на которое она рассчитана в других случаях...

Войти вы должны чинно, не запыхавшись и не восклицая испуганно еще в передней:

— Не опоздал я? Вот-то волновался!! Все время подгонял вагоновожатого трамвая...

О трамвае не принято говорить в обществе. Самое лучшее — это дома вычистить брюки бензином, а когда гости потянут подозрительно носом воздух, беззаботно заявить:

— А я сейчас свой новый автомобиль пробовал!

В передней очень рекомендуется для хорошего тона потрепать снимающую с вас пальто горничную по щечке и ущипнуть за подбородок... С лакеем это делать не принято, равно как и с хозяйкой, хотя щечки и подбородок были бы у нее самые располагающие к этому игривому жесту.

Войдя в гостиную, вы не должны осведомляться с лихорадочным любопытством:

— А что у вас сегодня готовили на обед?

Самое лучшее завести светский разговор или похвалить хозяйских детей, которые, обыкновенно, до обеда вертятся тут же.

Впрочем, и о детях нужно говорить с толком...

Нам известен один господин, который не нашел ничего лучшего, как пошевелить носком сапога возившегося на ковре малютку и, зевая, спросить хозяйку:

— Ваш ребеночек?

— Мой, — расцвела хозяйка.

— От кого?

— Что значит «от кого»? — смутилась хозяйка. — От мужа!

— Ну да! Все вы так говорите. Неужели от мужа? Вот не думал! А мальчишка — вылитый секретарь вашего супруга. Здравствуй, секретаренок!

Вместо такого бестактного разговора — самое лучшее — это восхищаться ребятами, для чего особого ума не требуется.

— Ваш сынишка? Какая прелесть!! Говорит уже?

— Помилуйте — ему десятый год.

— Да вы что? Гениальный ребенок! В университете?

— Куда ж ему — он еще маленький.

— Совершенно верно — совсем грудной!

Пусть этот разговор бессмыслен, но от него так и пышет хорошим тоном.

Когда посреди этих светских разговоров лакей возвестит: «Кушать подано», не рекомендуется, перепрыгнув через кресло и оттолкнув стоящую на пути даму, мчаться с воинственным кличем в столовую. Подобный искренний порыв нужно затаить в глубине души, а вместо этого, сделав равнодушное лицо и мило упрекнув хозяйку: «Ах, зачем вы, право, тратитесь!» — предложить даме руку:

— Осчастливьте меня разрешением быть вашим соседом.

На суп рекомендуется не набрасываться с торжествующим ревом, а есть его тихо. Некоторые имеют пагубную привычку втягивать суп губами из ложки с таким свистом — будто бы вблизи работает паровозный поршень. Один англичанин рассказывал пишущему эти строки, что они ходили компанией для развлечения в один лондонский отель «слушать, как иностранцы едят суп». Читатели — запомните этот ужас!!

Не рекомендуется также есть мясо или другую какую пищу с ножа, хотя бы после этого на губах порезов и не наблюдалось.

В книге «Светский тон» ясно сказано:

— ...Дали тебе, подлецу, вилку — так ты и ешь вилок. Жестоко, но верно.

Во время обеда не следует задавать хозяйке меркантильных вопросов вроде:

— Почему покупали рыбу? И если даже хозяйка ответит:

— По 5 1/2 марок.

Не следует просить моляще:

— Ну, дайте мне еще кусочек пфеннигов на шестьдесят! Когда подадут десерт — не надо спрашивать разочарованно хозяйку:

— Уже сладкое? Это и весь обед?! А я думал — еще цыплята будут!.. Знал бы, так лучше к Мамевкиным пошел!..

Мы знали таких рассеянных гостей, которые, пообедав, стучали ножом о тарелку и бодро кричали:

— Человек! Счет!

От этого следует удерживаться, хотя в глубине души такой результат обеда и был бы приятен хозяевам дома...

Уходить нужно не сразу после обеда, дожидаясь в передней грушу. Посидите еще минут 20 и только потом, как будто случайно взглянув на часы, озабоченно вскрикните:

— О, ля-ля!! Уже седьмой час... А меня на заседании ждут.

Уходя, не забудьте поцеловать руку хозяйке и дать горничной на чай. Если перепутаете эти два светских поступка — то вызовете тем неудовольствие и хозяйки, и горничной...

Со своей стороны, рекомендуем хозяевам провожать гостей до самой передней...

Во-первых, это вежливо, во-вторых, и гость не утянет вместо своего — чужое пальто.

Как держать себя на свадьбе

Самая существенная разница между свадьбой и похоронами та, что на похоронах плачут немедленно, а после свадьбы только через год. Впрочем, иногда плачут и на другой день.

В великосветских кругах празднуют только свадьбу. Развод не принято праздновать. Хотя радости во втором случае, конечно, больше.

Нижеследующие советы — как держать себя на свадьбе и на похоронах — очень пригодны как, вообще, для пытливого ума читателя, так и для тех людей, которые без подобного руководства способны заплакать на свадьбе или заплясать на похоронах.

Положение жениха на свадьбе неизмеримо затруднительнее, чем положение приглашенного гостя: гость в крайнем случае может и не приехать, а отсутствие жениха в венчальной процедуре иногда основательно омрачает общее веселье.

Впрочем, я знал жениха, который перед самой свадьбой заявил с беззаботным видом своей невесте:

— Я на часок поеду по делам. А если опоздаю в церковь — начинайте без меня.

Если я скажу, что жених этот был почетным членом Археологического общества — читатель не будет очень удивлен вышеизложенным бессмысленным заявлением.

Итак — «вернемся к нашим баранам», как говорят французы. Вернемся к жениху.

Если выразиться возвышенным слогом-положение его самое дурацкое. Представьте себе молодого человека, с растерянным, искаженным лицом, бледного, с трясущимися

руками, заключенного в черный фрак и в цилиндр, замкнутого в белый шелковый жилет, зажатого в лаковые ботинки, выслушивающего idiotские поздравления и шуточки друзей, наставления родителей, и безмолвное, остолбенелое, истерическое любопытство полдюжины горничных, прачек с ближайшего квартала и мальчишек из бакалейной лавки, забравшихся спозаранку в церковь, чтобы «видеть жениха и невесту».

Один очень культурный умный человек рассказывал мне, что для него было самым трудным в жизни — это выдержать инквизиторский осмотр нескольких горничных и мальчика — продавца папирос, которые (не папиросы, а эта публика) подвергли его в церкви ураганному огню перекрестных взглядов и критических замечаний.

— Бедненький, — вздохнула пожилая кухарка, — такой молоденький! Губы-то как трясутся, не сладко, поди, ему!

— А ты думаешь! У нас наемни в лавочке говорили, что невеста-то — чужая жена. Застал их муж — да пистолетом и уговорил его жениться.

— Да что ты! А он хорошенький...

— Тоже — нашла красоту. Одна ноздря, и больше ничего.

— Свинячий жених, — строго осудил папиросный мальчишка, толкнув горничную в грудь локтем, чем снискал полное ее сочувствие.

От этой падкой на зрелища публики не скроется ничто. Малейший штрих будет осмотрен острыми глазами и обсужден:

— У невесты-то, гляди, гляди!.. Глаза красные.

— Нос у нее красный, а не глаза.

— А губы намазала так, что краска сыплется.

— А у жениха сбоку лаковый башмак лопнул! Хи-хи! Видали!

Я лично думаю, что под такими инквизиторскими взглядами сам Мунэ-Сюлли не мог бы сохранить присутствие духа и импозантность...

Знавал я женихов, которые в этих случаях или прятались, смущенные, в церковный притвор, или (что еще хуже) пытались с наружной беззаботностью насвистывать веселую мелодию.

Вернемся к свадебному гостю.

Главное, что от него требуется, — это неувыдаемая жизнерадостность и умение сказать во время свадебного пира приличный случаю тост.

На свадьбу он должен явиться также во фраке, в белом жилете и в белых перчатках, с веселым лицом даже в том случае, если он только что вернулся с похорон любимого друга.

В руках — букет белых роз (хотя бы и стащенный украдкой с гроба того же безропотного друга).

Подлетев к невесте и передавая ей букет, гость должен сказать небольшую речь:

— Дорогая такая-то, пусть эти чистые невинные цветы будут залогом вашего чистого будущего счастья и символом вашей нынешней невинности и целомудрия...

Последние слова можно говорить даже в том случае, если невеста до свадьбы прожила десять лет на иждивении владельца дровяного склада...

Подаренный букет нельзя отбирать обратно, хотя бы за свадебным пиром вас обнесли мороженым или подсунули кислое вино.

А то человек, одержимый мелким самолюбием, может перед уходом подойти к невесте и заявить на ухо:

— Ну, и накормили! Ну, и напоили! Не вино, а уксус. Я вам там дал букет, так вы его, голубушка, верните-ка мне обратно. У меня через два дня еще одна свадьба. Полью букетик водичкой — и опять он, голубчик, у меня в работу...

Застольные речи на свадьбе — очень тонкая штука. Нужно сказать так, чтобы никого не обидеть, чтобы всем было приятно.

Я помню то неблагоприятное впечатление, какое произвела речь сатирически настроенного гостя на свадьбе одного моего знакомого:

— Ну-с, — сказал он. — Позвольте и мне поздравить новобрачных. Я бы мог пожелать

жениху долгой жизни, если бы не боялся, что тот... гм! гм! образ жизни, который жених вел до брака, — сделает мое пожелание совершенно бесцельным. Ох, нужно тебе, Вася, заняться своим здоровьем, ох, как нужно! Я бы мог пожелать невесте пару хорошеньких деток, если бы она уже не поторопилась до свадьбы наполовину исполнить мое это пожелание!.. Поздравляю я также и родителей невесты! И есть, с чем поздравить! Экую обузу с плеч свалили... Правда, домик, что дали мужу в приданое, строен в полтора кирпича, да и фундамент уже осел от — сырости, но так как, полагаю, дом этот будет немедленно заложен сияющим новобрачным — так о чем же тут говорить?! Желаю я счастья и уважаемой матери жениха. Лыщу себя надеждой, что сын ее не будет поступать так со своей женой, как его папаша, разбивавший о голову своей супруги любые предметы стеклянного производства, находившиеся в районе военных действий. Рад я и за двух теток невесты — наконец-то они поедят сегодня как следует, да и не только поедят, а еще и дома что-нибудь останется... Хотя должен предупредить, что сунутые в ридикюль две столовые ложки суть не серебряные, а фраже... Хе-хе — ошибочка, тетеньки, вышла... Я кончаю, господа! Пью за здоровье всех присутствующих и очень сожалею, что большинство из них не может мне ответить тем же, потому что публика уже налилась до краев... Ур-ра!!!

Констатирую, что эта речь не только не имела успеха, а наоборот, в прихожей при разъезде неизвестный оппонент ударил оратора по голове эмалированной плевательницей...

Во избежание таких недоразумений я предлагаю образец вполне благопристойной свадебной речи, которая должна удовлетворить многих:

— Милостивые государи и милостивые государыни! Я вижу под сенью этой крыши цветущую молодость и мудрую старость, которые соединились здесь роскошной причудливой гирляндой. Что же за день такой, что это за событие?! Вы скажете — очень просто: Петр Николаич женится на Верочке и берет за ней сорок пять тысяч приданого, не считая перин и столового серебра... О господа! Как вы поверхностно смотрите на то, что здесь происходит. Перед вами, господа, творится великая тайна — тайна зарождения будущей плодотворной ячейки, из которых составляется государство!! (Одобрение присутствующих.) Петр Николаич исполнил наконец-таки свой долг перед государством и перед обществом. И если вы посмотрите на очаровательную невесту, то скажете: «И какой приятный долг!» Да, господа... я и сам бы не прочь... гм... гм... (Общий смех, рукоплескания.) Но для меня путь этот закрыт, отчасти потому, что я — закоренелый женоненавистник, отчасти же потому, что, к сожалению, я уже женат 18 лет... (Движение на левой, где жена оратора.) Господа! Я поднимаю тост за жениха, за этого мужественного благородного человека и прекрасного друга, я пью за невесту, которая, дожив до 19 лет, ухитрилась донести до семейного очага свою чистоту и невинность, я пью за будущих детей, которые, если унаследуют характер своих родителей, — будут сплошь членами парламента и министрами-президентами!! И за родителей невесты я пью, за родителей, щедрой рукой (45 тысяч и 3 перины) снабдивших цветущую пару земными благами... (Восторг родителей, аплодисменты...) Пью я и за престарелую тетку жениха, которая сумела вынести под сердцем такое сокровище, как ее сынишка Федя, из скромности уже полчаса как скрывшийся и лежащий под этим обильным столом... И наконец, последний мой тост за того неизвестного мне господина, который, пролив красное вино на скатерть, усиленно засыпает пятно солью, — это настоящий друг семьи, который ни в чем не нанесет ущерба... (Аплодисменты, крики, переходящие в овацию.)

Здесь оратор должен отпить из своего бокала и шаловливо крикнуть: «Горько», что, как известно, по русскому обычаю, влечет за собой поцелуй жениха и невесты, чтобы «подсластить» это горькое вино.

Этот русский обычай применяется только на свадьбе. Впоследствии он видоизменяется: уже не муж с женой целуются, когда посторонний господин кричит «горько», а посторонний господин целует его жену, и кричать «горько» приходится мужу...

Но вот свадьба окончена. Все, безусловно, должны разъехаться по домам, и нельзя напрашиваться переночевать в комнате новобрачных, хотя бы на том основании, что я

«старый друг и не могу стеснить»...

Следующий очерк, «Как держать себя на похоронах», я напишу, если к тому времени не буду занят на собственных похоронах.

Как держать себя на похоронах

В смерти есть тайна. Поэтому к похоронам нужно подходить благоговейно, деликатно. Шутки здесь неуместны. Меня почему-то считают юмористом, но я умею быть серьезным.

Меня однажды очень обидели слова моего друга, писателя, с которым мы встретились на каких-то похоронах. Увидев меня, он подошел и сурово спросил:

— Зачем вы здесь?

— А почему же мне не быть здесь?!

— Хм. Что же здесь смешного?!

Этот грубый человек забыл, что у меня, кроме смеха, еще и сердце. На упомянутых похоронах я рыдал так, что дал вдове сто очков вперед, а на кладбище обскакал ее две головы, закатив такую истерику, что распорядитель просил меня выйти вон, чтобы не нарушать благолепия церемонии.

— Попробуйте только меня тронуть, — кротко возразил я распорядителю. — Сами покойником будете!

И я остался, и я говорил речь на могильной насыпи, и эту речь я считаю одним из лучших своих литературных произведений.

— Кого мы хороним?! — воскликнул я, обведя присутствующих горестным взглядом.

На этот вопрос любой из присутствующих мог бы ответить, что «хороним мы Игнатия Фомича Зябкина, а если я не знаю такой простой вещи, то лучше бы мне и не взбираться на могильный холм»...

Но все промолчали, потому что поняли: такая фраза всегда говорится ораторами для разгона.

— Кого мы потеряли?! — взывал я (промолчали и на этот вопрос), — Игнатия Зябкина мы потеряли — вот кого! Ты среди нас сиял, как солнце... (по правде сказать, сиял не весь покойник, а только самая верхушка — лысина, но фраза вышла очень звучная... Правда?) Ты озарял этими лучами всех, кто тебе был близок (жену, любовницу и четырех детей от той и от другой), ты своим талантом поднимал и украшал русскую промышленность и торговлю (покойник имел скобяной и москательный магазины), и вот — ты на небесах оказался нужнее, чем на этой грешной земле, и Всевышний потребовал тебя к себе (удар пивной бутылкой по темени в трактире «Балканы» ускорил это желание Всевышнего).

Так спи же, Игнатий, — ты, чудный человек, отец и гражданин!! Земля тебе пухом, и пусть ангелы небесные охраняют последний кров твой... не тяните за рукав — пальто порвете!.. (Последняя фраза относилась, конечно, к распорядителю, который сгонял меня с могилы, не могши перенести моего шумного успеха.)

Вот случай, который доказывает, что бывают моменты, когда и я умею быть серьезным, и поэтому о похоронах я буду писать с полным знанием дела.

Вы, скажем, узнаете, что умер ваш приятель. Вы надеваете на рукав креповую повязку (она стоит совсем гроши и, выработав себе перед зеркалом выражение лица, полное тихой скорби и уныния, отправляетесь к вдове покойника.

Она, прижав платок к глазам, спросит:

— Слышали вы, какое у меня горе?

Отвечаете:

— Да, да. Вполне разделяю вашу скорбь. Но... ему там лучше будет...

Лучше или хуже — это неважно, но вышеуказанные слова очень успокоительны. Можете еще добавить:

— Бог дал, Бог и взял. Или:

— Все под Богом ходим.

Если вдова осведомится у вас для порядка:

— На похоронах будете?

Не надо расшаркиваться и радостно восклицать:

— Я-то? Да с наслаждением! За удовольствие почту! Надлежит свесить голову и скорбно ответить:

— Это мой долг.

Тут к вам подойдет другой сочувствующий, и так как говорить о чем-нибудь постороннем, вроде премьеры в «Варьете» или бильярдном проигрыше в близлежащей пивной, — не принято, то он скорбно осведомится:

— Будете на похоронах Ивана Николаевича? Вы не должны задорно возражать:

— Вот еще, с какой стати! А он на моих похоронах будет?..

Ибо перед отверстой могилой умолкают все мелкие светские счеты визитами...

* * *

На кладбище идите с печально опущенной головой, изредка вздыхая и покачивая ею; перемигиваться со встречной барышней — хотя бы и царственно прекрасной — не следует. Если устанете — можете влезть в медленно движущуюся сзади карету. Если все кареты уже заняты — не пытайтесь взлезть на катафалк к покойнику, хотя бы под тем предлогом, что вы с ним были на «ты». Будет время — еще успеете наездиться в катафалке.

В момент последнего печального обряда зорко следите повой, потому что эта публика любит рваться к отверстой могиле и кричать: «Пустите меня к нему»!

Вы должны ловко подхватить ее под руку и успокоительно шепнуть:

— Куда вы? Ведь покойник изменял вам на каждом шагу я в пьяном виде бросал вам в голову все предметы домашнего обихода. Вспомните-ка! Да и ваши отношения с репетитором сынишки таковы, что лучше я вас к нему пушу, к репетитору. Хотите?

Эти правдивые слова могут пролить бальзам на самое измученное, разбитое сердце.

Речей старайтесь не говорить, потому что вам до меня далеко и такую речь, какую произнес я на могиле скобяного Игнатия, — вам произнести не удастся.

Пусть говорят другие, а вы стойте в стороне и учитесь. Еще один совет: если произнесенная кем-либо прочувствованная речь привела вас в восторг, пожалуйста, не аплодируйте и не кричите одобрительно «бр-раво! Бис!! Ловко, шельмец, зашпаривает!» Помните — здесь витает душа усопшего, да и распорядитель по головке не погладит.

Вообще, похороны — вещь серьезная, и ничто не должно нарушать их строгой величавости... Когда пьяный механик в кинематографе, демонстрируя похороны какой-нибудь знаменитости (я это видел однажды), — начинает вертеть ручку аппарата шибче, чем нужно, — получается зрелище совершенно непристойное: впереди радостно скачут священники, будто Максы Линдеры убегают от погони, за ними резвой рысью летят погребальные лошади, увлекая молниеносно мчащийся катафалк, а сзади стремительно несутся друзья покойного, будто опасаясь пропустить поминальный обед.

В довершение всего пианист, сослепу не разобрал, в чем Дело, начал с треском наигрывать очень милую, в других случаях, песенку:

Сегодня я не в духе,

Ужасно колет в ухе,

Вчера один нахал

Мне ухо искусал!..

и, таким образом, все благолепие и пышность погребального обряда свелись в упомянутом мной случае на нет.

В петербургской хронике имеется факт еще неприличнее — петербуржцы и до сих пор помнят его: везли однаждыпо Садовой покойника — и вдруг из-за угла стремглав выскочил трамвай; налетел на катафалк, опрокинул его, выбросил на мостовую гроб, и вдруг все с ужасом заметили, что из гроба вылез покойник и, потирая ушибленную ногу, завопил:

— Черти полосатые! Ездить не умеете. Мало вас, скотов, штрафуют.

Это непредвиденное обстоятельство совершенно испортило похороны: покойник, заботливо и хозяйственно собрав остатки дорогого дубового гроба, уехал на извозчике домой, духовенство и провожавшие сконфуженно рассеялись кто куда, пустую могилу пришлось засыпать, а вторую половину поминального обеда выбросили — испортилась, хотя все радостное семейство покойного и загубило себе желудки первой половиной.

Я бы не хотел умереть так двусмысленно.

Кстати, о поминальном обеде.

Мне часто случалось присутствовать на таких обедах, и должен сознаться, что они проходят превесело...

Я так и не мог докопаться до разгадки этой странности: то ли — вернувшиеся с похорон рады, что не их закопали, то ли — они довольны, что развязались-таки, наконец, с никому не нужным мертвым телом, а может быть, вкусная закуска с выпивкой веселит все сердца, — не знаю; но я заметил, что все на поминальных обедах бывают очень оживленны и, пожирая пироги и закуску, не успевают даже бросить вдове или врачу небрежную обязательную фразу:

— Там ему (или ей) лучше будет!

Или:

— Бог дал, Бог и взял.

Не до того друзьям. Кончают иногда и тем, что поднимают тост за здоровье усопшего, рассказывая препикантные анекдоты из его сердечных походов...

Забавная скотина — человек. Веселая скотина.

В заключение я должен сознаться в своей неопытности одном смысле: я прекрасно знаю ритуал обыкновенных старинных похорон: с гробом, катафалком и могилкой, но теперь пошла мода на сжигание трупов в крематориях, как при этом нужно себя держать — совершенно неизвестно.

Ритуал еще не выработался, не окостенел.

Вообще, я против таких похорон.

Один очень скромный достойный молодой человек со скорбью и ужасом рассказывал мне, как он вычистил собственные зубы собственной бабушкой.

Приехал он к родным, когда бабушку уже сожгли в крематории по новой моде, погоревал с полдня (много ли нужно для старушки), а вечером отошел ко сну... Проснулся рано утром, приступил к умыванию — хватить-похватить — зубного порошку нет.

Стал шарить по комнате — видит: на подоконнике стоит сигарная коробка, а в ней полно пепла.

Вспомнил, что пеплом тоже хорошо чистить зубы — вычистил.

А к чаю, когда за столом собралась вся семья, — мать его и говорит:

— Слава Богу, наконец-то мраморщик привез заказанную урну!..

— Какую урну?

— А для бабушки. Пепел в урну положим. А то держать его в сигарной коробке — прямо-таки неуважение к покойнице!

Читатель, может быть, усомнится. Но, клянусь честью — это факт.

Жизнь любит иногда подшутить и посмеяться даже над смертью.

Видел же я в городе Орле наклейку на окне одного гробовщика:

«Здесь продаются модные гробы „Танго“...»

Смерть опошлили, начиная с гроба и кончая траурной креповой повязкой на руке. Еще счастье носителей повязок, что ширина повязки не должна быть прямо пропорциональна скорби об усопшем.

А то — многим пришлось бы перевязать руку черной Швейной ниткой.

Советы начинающим полководцам (Как выигрывать войны)

Введение

Теперь, когда почти весь мир грозно бряцает оружием, когда международные тучи сгустились до невозможности, мои советы начинающим полководцам должны сделаться настольной книгой для всякого неопытного полководца...

Все мы знаем, что у всякого военачальника во время войны есть только одно безудержное стремление: победить врага!

Но как это сделать, с чего начать и чем кончить? Неопытный человек решительно не знает.

А неопытность — в военном деле — ужасная вещь.

Пока такой человек раздумывает, да примеривается, да взвешивает — у него постепенно отбирают крепости, потом броненосцы, забирают в плен всех солдат, и вот наш неопытный полководец в один прекрасный день видит себя одиноко сидящим на лошади или миноносце, размахивающим победоносно золотым оружием «За храбрость». Но без войска, броненосцев и крепостей.

Что остается делать такому полководцу?

Извиниться перед родиной — выйти в отставку и заняться выпиливанием по дереву, игрой на окарине или коллекционированием почтовых марок — три поприща, которые почему-то привлекают сердца всех неудачников...

Чтобы этого не случилось — я позволяю себе дать ряд полезных советов и указаний на предмет:

«Как вести войну».

Как найти средства для ведения войны

Надлежит изготовить в главном штабе около десятка планов мобилизации, расположения крепостей, диспозиция и статистических данных о количестве и месте расположения ваших войск. Все изготовленное поручить наиболее расторопному и плутоватому чиновнику штаба продать соседним державам, содрав с них за такой лакомый кусок несколько десятков миллионов.

Вообразите же себе удивление и злость этих держав, все планы и сведения окажутся фальшивыми, а вы имеете лишних несколько миллионов для ведения победоносной войны...

Как обезопасить свою страну от вторжения врага

Наиболее действенным можно признать следующий способ: на границе устанавливается ряд деревянных столбов через каждую сажень с прибитыми к верхушке каждого столба дощечками, на которых написано: «Вход посторонним строго воспрещается».

Можно легко представить себе ярость и бессильный гнев противника, когда он, дойдя до этой естественной преграды остановится и, потоптавшись на месте, должен будет уйти восвояси...

Некоторые стратеги, кроме того, советуют еще применять способ с зеркалом, заключающийся в следующем: на поле устанавливается громадное, в несколько верст, зеркало. Неприятель, победоносно шагая по полю, вдруг видит против себя другого неприятеля, шагающего ему навстречу не менее победоносно...

Тогда настоящему неприятелю ничего не остается сделать, как повернуться и убежать от своего собственного отражения.

Мы не рекомендуем этого способа по одной причине: а вдруг неприятель не испугается, а начнет стрелять... Что тогда? И хитрость будет раскрыта, и дорогое зеркало

испорчено.

Нет, это не научный способ, это — утопия.

Первый способ ведения войны

Выследив место расположения неприятеля, вы начинаете возводить вокруг него высокую крепкую стену. Сначала неприятель будет только радоваться этому, видя в такой стене удобную крепость для себя. Но радость его — преждевременна.

Ясно, что, когда вы замкнете неприятеля этой стеной, он очутится как в ловушке, и ему ничего не останется, как сдаться на позорных условиях или помереть с голодухи.

Второй способ ведения войны

Для задуманной вами цели нужен специальный человек, но, мы полагаем, среди вашей многочисленной армии найти его нетрудно. Вы даёте ему инструкции, он идет к аванпостам и заявляет, что его прислали вести переговоры с вражеским военачальником...

Военачальник обыкновенно ловится на эту удочку: принимает вашего посланника, который оказывается лишь ловким гипнотизером. Полчаса глаз на глаз — и остальное ясно: вражеский начальник приказывает своей армии сдаться, отдает свои пушки, провиант и сам попадает в плен. Конечно, никому и в голову не придет, что это дело рук загипнотизировавшего его вашего посланника.

Морской бой

Принцип всякой морской кампании — это вывести из строя как можно больше неприятельских судов.

Вот способ, который почти всегда удается: узнав тот фарватер, в котором крейсирует неприятельская эскадра, — вы выбираете самое глубокое место и насыпаете на дно громадную земляную гору, чуть-чуть выдающуюся из воды...

Вообразите же удивление броненосца, когда он, идя на всех парах по известному на картах глубокому месту, вдруг со всего размаху налетает брюхом на мель.

Самый хитрый способ ведения войны

Вы изобретаете пушку, ядро которой летит несколько десятков тысяч верст по прямой линии, не останавливаясь, и продаете с самым невинным видом через подставное лицо — это ужасное изобретение неприятелям.

Они не замечают той страшной ловушки, которую вы им готовите, и, устроив такую пушку, стреляют в вас. Ядро преспокойно полетит, огибая весь земной шар, возвращается с противоположной стороны на старое место и бьет несчастных артиллеристов прямо по затылку.

Вообразите же их удивление, когда и т. д.

Средство против аэропланов

Есть мнение, что борьба с вражеской воздушной эскадрильей совершенно невозможна.

Но и тут умный полководец может найтись.

Как известно, у всех неприятельских пилотов есть подробные карты вашей страны, в которых указано местоположение городов, лесов и направление рек.

Что же делаете вы?

Да очень просто: стоит только вам перевести города совсем в другое место, выдернуть с корнем лесные деревья и вкопать их на место городов, а русло рек отвести совсем в другую

сторону. Что же получится? Ясно: неприятель покрутится, покрутится, полетает, полетает да и плюнет на все это дело.

Вернется на свои позиции и заявит начальству:

— Мы ничего не понимаем. Очевидно, это совсем другая страна, с которой мы не воюем.

Заключение

Вот те несколько военных приемов, применяя которые молодой полководец всегда выиграет войну.

Но, конечно, еще с большей уверенностью можно гарантировать полководцу выигрыш войны, если все предлагаемые мною вышеизложенные приемы будет применять не он, а неприятель.

Приложение к «Пантеону советов молодым людям»

Пасхальные советы

О, лучший из праздников, когда колокола, сладко волнуя сердце мелодичным и гулким звоном, — будят в душе грустные ласковые воспоминания о былом, о празднике пышной весны, когда ароматные почки на деревьях радостно распускаются... впрочем, им хорошо распускаться, когда никаких расходов они не несут, а мы, люди, и тому должны заткнуть глотку и этому, да подарки разные, да «на чай». И что это еще такое за «на чай»?! Один разврат. И без этого хороши будут.

Об ароматных почках да и мелодичных колоколах это у меня к слову пришлось, а вообще я человек деловой и подхожу к пасхальным вопросам с утилитарной точки зрения...

Цель моя — научить читателей, как по-христиански, но безубыточно отпраздновать Пасху, когда колокола мелодичным звоном будят в душе... — впрочем, об этом я уже говорил. Ни к чему это все. Главное — практичность. Вот например:

Праздничные подарки

Жену имеете? И детей? И кухарку?

И напрасно. Не такое теперь время, чтоб на своей шее всю эту публику держать.

Но раз глупость уже сделана — нужно подумать, — как же выйти из этого положения? Жена-то, небось, спит и видит бриллиантовое колечко, да и детишки, как молодые крокодилята, пасти пораскрывали на ящик с красками или на собрание сочинений Жюль Верна. А кухарка уже целую неделю страшно шелкает крепкими зубами, предчувствуя впереди сарпинку на кофточку.

Сарпинку тебе? О душе нужно подумать, матушка!

Для того, чтобы избежать всех этих расходов, хозяин должен обзавестись сущими пустяками: одним анонимным письмом, изготовленным собственными средствами, однимдохлым мышонком и надтреснутым бракованным блюдом, которое за гроши можно купить в любом посудном магазине.

И вот, скажем, приходите вы в Страстную пятницу домой к обеду сдохлым мышонком в одном кармане, с анонимным письмом в другом и с треснутым блюдом, завернутым в бумагу, — под мышкой.

— Обедать! — радостно кричите вы. — Обедать! Я голоден как волк... А я сегодня, друзья мои, по случаю купил чудную, замечательную вещь — старинное блюдо Императорского фарфорового завода. Цены нет этому блюду! Ну-ка, Миша, разверни.

Ваш сынишка доверчиво начинает распутывать накрученную вами бечевку и снимать с блюда несколько слоев

— Развернул? Ну-ка, полюбуйт... Это что такое? Почему трещина?! Разве тебе можно

поручать что-нибудь, паршивец этакий!!! Расколлол!!!

Орите во все горло:

— Нежная старинная вещь!! Пятьсот рублей стоит, а ты, как ломовик, набросился. Разве я тебя для того рожал, чтобы ты мне блюда бил... Сегодня блюдо разбил, завтра всю посуду перебьешь, а послезавтра отца начнешь бить... Это что?! Слезы?! Вон из-за стола!! Блюдо полторы тысячи стоит, а он своими копытами... Вон! (эквивалент ящика с красками и Жюля Верна, глядишь, и в кармане остался).

Если жена кротко запротестует — орите дольше:

— У людей дети, как дети, а у нас... На кого же я, спрашивается, работаю, минутки свободной не имею?! Вот, например, утром еще получил письмо — до сих пор пяти минут не имел прочесть! Ты позволишь, милая?

— Читай, — кротко говорит жена. — Какие там церемонии.

Вы извлекаете из конверта анонимное письмо и начинаете громко читать:

«Здравствуйте, обманутый дурак! В то время, как вы заботитесь о семье, хлопчете — ваша жена дарит своей благосклонностью другого... Спросите у нее — у кого она была позавчера и почему ее головные шпильки очутились на подзеркальнике известного донжуана Пробиркина?! Прощайте, тупой осел!»

Жена, конечно, заплачет, но... ничего. Женские слезы, как говорится, вода, а колечко так и останется торчать в витрине ювелира. Вот вам и экономия!

Наконец, подают суп. Пользуясь тем, что жена продолжает рыдать в салфетку, выньте дохлого мышонка и подсуньте его в свою тарелку...

Орите:

— Что это?! Мертвое животное в супе?! Чумная крыса?! Отравить нас хотят?! Аксинья!! Поглядите-ка!.. Надеюсь, сама понимаешь...

И меркнет, тухнет в пылких кухаркиных очах долгожданная сарпинка...

До сарпинки ли тут, когда барина колесом от ярости скорчило.

Если же вы по доброте душевное считаете эти остроумные приемы жестокими, — то, так и быть, сделайте домашним такие подарки: жене — коробочку хороших сигар или бритвенный прибор, сынишке лампу для гостиной или материи на халат, а кухарке — собрание сочинений Эмиля Золя. Не знаю, как им, но вам — эти подарки доставят тихую радость...

Устройство пасхального стола

О, сколько красоты и поэзии в праздничном столе накрытом белоснежной скатертью!..

Сколько дразнящего, будящего аппетит в этих группах разноцветных водок и вин; каким дьявольским соблазнительным топазом сверкает мартелевский коньяк, как сочно и плотно лежат в коробке ле-маршановскис сардины! А этот огромный запеченный окорок, украшенный курчавой разноцветной бумагой, с румяной коркой, художественно утыканной черненькими пятнами гвоздички?! А эта зернистая икра, свежая, пахнущая морем, в круглой большой жестянке?! Да-с! Хорошо-то оно хорошо, а пойдите, купите — без рубашки останетесь.

А разве визитер оценит? Он думает — все это так и полагается! По-моему, достаточно ему рюмки водки и куска вареной колбасы. Пусть и за это будет благодарен...

А стол все-таки украсьте как у людей.

Делайте же это так:

Вина. Поставьте несколько запечатанных бутылок (можно взять в магазине напрокат), достаньте пустую бутылку из-под коньяку, налейте ее чаем и поставьте на видное место. Других же вин не откупоривайте — ради Бога! Потому — визитер твердо помнит правило: раз вино откупорено — его надо пить. И водки выпьет — хорош будет.

Окорок. Срежьте с окорока все мясо, спрячьте его подальше, покройте мастальгу кожей — пусть стоит.

Сардины. Металлический язычок, что торчит в одном углу коробки, — незаметно подпилите напильником.

Яйца. Вымажьте их красными и черными ализориновыми копировальными чернилами. Рекомендую: дьявольски линияют.

Зернистая икра. В пустую коробку из-под икры налейте доверху жидкого столярного клею. Плотно закройте крышкой. Дайте высохнуть.

Вот и все праздничные хлопоты.

Теперь — предположим, пришли визитеры...

Вы (радостно):

— А-а, гости дорогие! Христос воскрес! Воистину! Ну, не грех и закусить чем Бог послал... Вам чего прикажете? Водочки?

— Нет, уж, знаете, я коньяку...

— Пожалуйста!! Настоящий Мартель (берете в руку, смотрите на свет. Любовно подбрасывая, как ребенка, нечаянно роняете на пол с расчетом, чтобы бутылка разбилась...) Ах, черт возьми! Какое несчастье! Что ж теперь делать? Придется уж водочки. Закусите, пожалуйста. Ветчинки?!

— Режьте, господа, сами, не стесняйтесь, будьте как дома! Что?.. Одна кость там? А! Это до вас Петр Иванович был — так он, тово... Хе-хе... Весь окорочок усидел. А может, яичек? Не хотите? А вот сардинки. Сейчас открою! Где ключ?.. Тр-рах!!

— Эх, неудача. Язычок сломался. Теперь как ее откроешь, проклятую... Икры вам предложить, что ли? Открывайте банку, накладывайте столовой ложкой! Что? Плотно закрыта? А вы покрутите. Нет? Не открывается? Гм... Разве в теплую воду поставить, может, отойдет через часик крышка. А пока — колбаски рекомендую — дивная колбаса! Трипель — сек. За ваше здоровье!..

— Уже уходите? Ну — всего вам, всего-всего хорошего. Спасибо, что не погнушались хлебом-солью.

Прилично вышло? Прилично. Дешево. Ну так чего ж вам еще?!

Как приготовить дешевый сытный обед

На праздники хочется пообедать особенно вкусно и особенно сытно.

Как же приготовить себе наиболее дешевый и наиболее вкусный обед?

Вот один из самых приемлемых способов, которых не найдете ни в одной поваренной книге...

Взять столовую ложку бензину. Взять чистенькую тряпочку. Взять свои брюки и сюртук. Почистить их. Накрыть сверху шляпой. Пойти к знакомым, которые еще не читали моих советов. Норовить попасть к обеду. Будете есть:

Куриный бульон,

Пирожки. Отварную лососину.

Соус тартар. Жареных цыплят.

Салат. Спаржу.

Суфле яблочное. Кофе, вина, водки, ликеры.

Правда, вкусно?

Как сэкономить на чаевых

На первый день праздника, едва вы откроете сонные глаза — как к вам нагрянет вереница поздравителей с недвусмысленным выражением, начертанным па лице кистью великого мастера: дай, собака, на чай.

Придут: три дворника, швейцар, трубочист, приказчик из бакалейной лавки, человек, который в прошлом году выводил у вас тараканов; почтальон, шофер, переехавший вашу тетку; неизвестный, которого вы на Страстной неделе били в бильярдной кием; ловец

бродячих собак.

Как же с ними со всеми устроиться наиболее прилично и экономно?

Существует до сих пор только два способа, наиболее практичных и радикальных:

а) уехать перед праздником в Аргентину;

б) заболеть сыпным тифом.

В этом случае ничего другого для вас придумать не могу

Искусство рассказывать анекдоты

Истинно светские люди могут иметь успех в обществе и свете — помимо всех других качеств — только в двух случаях: или когда они хорошо рассказывают анекдоты или когда они анекдотов совсем не рассказывают.

Насколько хороший анекдотист пользуется шумным, заслуженным успехом, насколько общество фигурально носит его на руках — настолько же плохой, бездарный претендент на «анекдотский престол» видит кругом плохо скрытое отвращение и тоску, настолько общество, выражаясь фигурально, — топчет его ногами!

Существует старинное распределение рассказчиков анекдотов на четыре категории:

1. Когда рассказчик сохраняет серьезное выражение лица, а слушатели покатываются со смеху...

2. Когда смеется и сам рассказчик, и слушатели...

3. Когда рассказчик за животик держится от смеху, а слушатели, свесив головы, угрюмо молчат...

4. Когда слушатели, вооружившись стульями и винными бутылками, хлопотливо бьют рассказчика.

Вот те поистине ужасные последствия, которые могут обрушиться на голову плохого рассказчика. В американской газетной хронике (штат Иллинойс) был по этому поводу рассказан поистине леденящий душу факт: компания вакеросов, выслушав подряд семь отвратительных тягучих анекдотов, так освиrepела, что схватила рассказчика, облила его керосином и подожгла, выплясывая вокруг него веселый джиг; потом обгоревшего неудачника вакеросы купали в реке, а потом, зацепив за шею веревкой, долго волочили при свете факелов по городским улицам, и разбуженные шумом матери поднимали с постелек своих детей и подносили их к окнам — со словами: «Глядите, детки, — вот вам пример: никогда не рассказывайте глупых старых тягучих анекдотов. А то и с вами будет то же, что с этим куском жареного мокрого мяса!»

И — наоборот.

Пишущий эти строки знал одного молодого человека, ничем особенно не отличавшегося, кроме искусства замечательно рассказывать анекдоты (см. первую категорию рассказчиков). И что же?! Все женщины города ласкали и целовали его, мужчины угощали водкой и папиросами лучших фабрик, а начальство повышало его по службе так, как в 1923 году повышался доллар в Германии. Однажды рассказывая в поезде какой-то уморительный анекдот, он свалился с площадки вагона под колеса и ему отрезало обе ноги, за что железная дорога уплатила счастливицу огромную премию, и он прожил свой век в богатстве и роскоши, окруженный любовью и почитанием современников.

Всякий рассказчик должен помнить три основных правила своего изящного искусства:

1. Анекдот должен быть краток.

2. Блестящ по передаче

— и 3. В конце — неожидан.

Самое главное — пункт первый (краткость).

Длинный анекдот напоминает Эйфелеву башню, на которую вас заставили взобраться пешком, без лифта... С самой верхушки башни вид-то, может быть, очаровательный, но вы так устанете, взбираясь, что вам и на свет Божий глядеть противно.

Затем — ненужные, не имеющие к анекдоту отношения — подробности — могут

довести слушателей до молчаливой ярости, до преступления.

Пишущий эти строки слышал один анекдот в передаче директора департамента народного здравия.

— Вот я вам расскажу хороший анекдот, — пообещал он. — Дело было в небольшом торговом городке. Городок был, как я уже сказал, небольшой, но оживленный. Потому что стоял он на берегу Волги и там перегружали муку, соль, ну, конечно, лес тоже сплавлялся... Население преимущественно торговое. Поэтому в городке была пропасть трактиров, и в этих трактирах целый день толкся торговый люд, попивая чай, пиво и водку. Так вот — в один из таких трактиров — не помню, как он назывался — не то «Китай», не то «Большая парижская гостиница», — в один из таких трактиров пришел подпивший купец. Ну, вы сами знаете, русская душа — разгулялся, потребовал еще водочки, закусочки, селяночки на сковородке с осетриной. Ест, пьет, а над ним в клетке в окне заграничная канарейка поет, заливается. Ну, так-с. Слушал ее купец, слушал — пришел в восторг. Потому — вы же знаете — канарейки иногда очень хорошо поют. Недаром даже Канарские острова по их имени названы. Вот послушал он эту канарейку и зовет слугу. Слуга прибежал — этаким русским молодец, румянец во всю щеку и волосы подстрижены в скобку — «Что прикажете?» — «Сколько стоит канарейка?» — «Триста рублей». — «Зажарь мне ее в масле». Слуга видит что купец богатый, значит, может заплатить за причуду — беспрекословно снял канарейку, снес на кухню, зажарил. Приносит. «Готово». — «Отрежь на три копейки».

Присутствующие вежливо посмеялись, полагая, что директорский анекдот окончен. Но директору жаль было расстаться со своим длинным, как пожарная кишка, анекдотом.

Пожевал губами и продолжал:

— Да... «Отрежь, говорит, на три копейки». Тот поднял крик: «Как так?! Неужели зря дорогую канарейку загубил?!» — «Что ты кричишь, чудак... Мне надо только на три копейки!..» Ну, конечно, шум был, скандал. Полицию позвали. Кажется, протоколом кончилось. Ну, купец дал околоточному — не помню — не то десять, не то пятнадцать рублей...

Все иступленно молчали, а один из слушателей тихо вышел в переднюю, отыскал директорское пальто и сигаретой прожег на спине преогромную дыру.

Кто упрекнет его за то, читатели?!

Вот как не надо рассказывать.

Излагайте анекдот приблизительно так:

В двери шикарной кондитерской просовывается чья-то голова: «Скажите, есть у вас сдобный хлеб с цукатами и миндалем?» — «Есть, есть, пожалуйста». Протискивается вся фигура. Снимает шапку, жалобно: «Подайте хлебушка Христа ради, бедному. Три дня не ел!»

Или: «Цедербаум, это совершенно неудобно: весь город говорит, что Кегельман живет с вашей женой!» — Муж: «Э! Подумаешь какое счастье! Захочу — так я тоже буду жить с ней!»..

Или: «Яша, чего ты за щеку держишься?» — «Понимаешь, один шарлатан хотел ударить меня по морде!» — «Так он же только хотел! Чего ж ты держишься?» — «Так он уже ударил!» — «Чего ж ты говоришь — „хотел“?» — «Ну если же бы он не хотел, он бы не ударил!»

Или:

«На парижском аэродроме к пилоту подходят два еврея. „Послушайте! Вы сейчас в Лондон летите. Возьмите нас“. — „А вы — кто такие?“ — „Так себе, обыкновенные евреи“. — „О-о, евреи! Ни за что не возьму. Евреи — такой темпераментный народ, что начнут кричать, за плечи меня хватать — еще катастрофа будет“. — „Но мы не будем кричать, ей-Богу! Абраша, правда, не будем?“ — „Ей-Богу, — говорит Абраша, — не будем!“ — „Ну, я вас возьму, но с условием: за каждое сказанное слово — вы платите мне фунт стерлингов! Согласны?“ — „Абраша, ты согласен?“ — „Согласен!“ Сели. Полетели. Прилетели в Лондон, пилот спустился, слез, мотор осматривает. Подходит к нему один из

пассажиров: „Теперь уже можно разговаривать?“ — „Теперь можно“. — „Абраша в воду упал!..“»

А начните вы, передавая эти анекдоты, описывать место действия, наружность и возраст действующих лиц, и анекдот уже погиб, завял, покрылся скучной пылью!..

Нет ничего трагичнее рассеянных, забывчивых рассказчиков...

— Вот — расскажу я вам анекдот... Было это в тысяча восемьсот девяносто... Нет! В тысяча девятьсот... девятьсот?.. Пойдите!.. В каком же году это было?..

— Да неважно! — кричат слушатели. — Дальше!..

— Ну-с. Был в городе Елабуге один еврей... нет, не еврей. Армянин, кажется? Или, что ли? По фамилии... Как же его фамилия? Гм! Дай Бог памяти...

— Неважно! Дальше!! — режут слушатели.

— И поехал этот мужичок парохомом... Нет!! Позвольте... не парохомом, а пешком он пошел...

— Аэропланом!!!

— Нет, тогда еще аэропланов не было. Встречается со старухой NN. Впрочем, нет... Это было ее свадебное путешествие... Значит, молодая. Пойдите!.. Тогда почему же у нее зубов не было?.. Но этот же анекдот, кажется, построен... Или нет?.. Ах, да!

За убийство такого рассказчика не судят, а выдают премию, как за удачное санитарное мероприятие...

А есть и такие рассказчики: начнет в обществе передавать что-то вязкое, тягучее, а на половине вдруг вспыхнет, как маков цвет, и замолчит.

— Ну? Что же дальше?!

— Простите — дальше неприлично, я и забыл совсем. — А тут дамы.

Ужасная язва общества — так называемые «подсказчики анекдотов».

— Иван Петрович! Расскажите тот анекдот, который рассказывали на прошлой неделе... Вы так хорошо рассказываете...

— Какой анекдот?

— Да помните, о том еврейском мальчике, который просил у учителя отпуск на завтрашний день, а когда тог спросил «зачем?», мальчик ответил: «Папа говорил, что у нас завтра дома пожар будет». Расскажите!

Что тут рассказывать бедному анекдотисту?

Иногда можно рассказывать старый, затрепанный анекдот но — смотря где. Если общество захудалое, провинциальное — можете перетряхивать в их присутствии всякое старье.

Но в изысканном, изощренном, насыщенном модными анекдотами кругу — остерегайтесь.

...За столом сидели шесть человек — три актера, два журналиста и адвокат. Я подсел к ним и принялся рассказывать анекдоты — все, какие знал.

И после каждого анекдота присутствующие вынимали из карманов белые платки и прикладывали к ушам концами, так — что все лица были окаймлены белыми платками.

В конце концов я не выдержал и спросил:

— Что это значит?

— Это? Белая борода!

— Почему?

— Все анекдоты, рассказываемые вами, так стары, что имеют седую бороду!!!

Очень было обидно.

* * *

При выборе анекдота — нужно считаться с составом слушателей.

Есть анекдоты для барышень. Есть для дам. Есть специальные «мужские». Третью

категорию иногда можнорассказывать второй категории, предварительно деликатно нащупав почву, но не дай Бог — обрушить третью категорию на головы благоуханной девственной первой категории.

Один негодяй при пишушем эти строки рассказал целому цветнику светских, невинных, кротких молодых девушек такое:

— Молодому еврею из Житомира сват предложил житомирскую девушку в жены. «Она (говорил он) очень хорошая девушка — общая любимица». Познакомился с ней жених через свата, поехал в театр. Все друзья и знакомые, увидев их вдвоем, набросились на жениха: «С ума вы сошли? Что это за компания для вас — с ней весь Житомир путался!» И побежал молодой человек в ярости к свату... «Слушайте!! — кричит. — Вы! Мерзавец! Кого вы мне сосватали?! Мне говорят, что с ней весь Житомир жил...» — «Э, вы скажете тоже, — хладнокровно говорит сват, — уже и „весь Житомир!“ В Житомире 50 000 жителей. Так считайте — половина женщин. Из 25 000 — 10 000 детей. Потом 5000 стариков, калек, нищих... остается 10 000... Так это, по-вашему, — весь Житомир?!»

Слушательницы испуганно переглянулись, а я отыскал хозяев и сообщил им, что вышесказанный молодой человек украл из столовой две серебряных ложки.

Вот, читатель, — мой тебе подарок.

Пытаясь занять общество анекдотами — всем вышеизложенным руководствуйся. Тогда — процветешь...

Советы, как иметь успех у прекрасного пола

Как часто видим мы очень интересных молодых людей, красивых, изящных, но — увы! Эти молодые люди не имеют никакого успеха у женщин.

И наоборот: не встречали ли вы рыжих, веснушчатых молодцов с кривыми ногами, расплюснутым носом и заплывшими жиром глазами, которые (не глаза, а эти молодцы имеют среди прекрасного пола бешеный, потрясающий успех?!

А почему? Очень просто: первые (красавцы) не знают, какого боку подойти, как взяться за дело, вторые же (Кривоногие) обладают этим священным даром в такой же степени, как Кубелик играет на скрипке.

И вот — я хочу пойти навстречу назревшим нуждам неопытных красавцев. Кривоногие же пройдохи и без меня обойдутся. Им мои советы не нужны. Они сами много чего могут мне посоветовать.

Вначале — маленькое разъяснение: я вовсе не хочу идти против Священного писания, которое гласит:

«Не пожелай жены ближнего твоего».

Что здесь главное? То, что он «ближний». Жены ближнего и не желайте.

Но если жена в Кишиневе, а муж, скажем, во Владивостоке, то он уже делается дальним, и, значит, всякое нарушение священной заповеди отпадает.

Из этого, конечно, не следует, что всякий молодец, влюбившийся в замужнюю женщину, должен таскать под мышкой глобус и, осведомившись о местопребывании мужа, начать вслух рассчитывать расстояние, тыча пальцем в разные места глобуса.

Это слишком наглядно, а всякое чувство требует тайны.

Влюбившись, вовсе не нужно моментально напяливать фрак, белый галстук, зажимать в мокрой от волнения руке букет цветов и, явившись к предмету своей страсти, преклонить перед ней колена со словами:

— Ангел мой! Я не могу жить без тебя. Будь моей женой!!

— Что вы, помилуйте. Да ведь я замужем!

— Я вас разведу с мужем!

— Но у меня дети...

— Детей отравим. Новые будут.

Глупо и глупо. Женщина никогда не пойдет на эту примитивную приманку.

Вот как сделайте: явитесь в сумерки с визитом к дорогой вашему сердцу женщине, припудривши лицо и подводите глаза жженой пробкой, явитесь и, севши в уголок, замрите.

— Что это вы сегодня такой грустный?.. — спросит хозяйка.

— Так, знаете. Нет, нет. Лучше не спрашивайте меня.

— Дела плохие?

— Что для меня дела. (Вздых.) Я о них даже и не думаю.

— Вы что-то сегодня бледны...

— Ночь не спал.

— Бедный!.. Почему же?

— Вы мне снились всю ночь.

Даю слово, что самая умная женщина не обратит внимание на резкое несоответствие между первой фразой («не спал всю ночь») и второй — («вы снились всю ночь»).

— Я вам снилась?.. — задумчиво скажет она. — Вот странно.

И довольно на сегодня. Конец. Маленькая, крохотная зацепка уже сделана. Уйдите, оставив ее задумчивой.

На другой день:

— Вы сегодня опять какой-то бледный... (пудра «Клития» — замечательное вспомогательное средство для влюбленного человека).

— Бледный, я? Гм... Отчего бы это? Может быть, потому, что опять плохо спал?

— Бедняга! А теперь кто вам снился?

— Догадайтесь... (В этом месте можно рискнуть взять ее за руку. Полагаю, опасности особой нет.)

— Ну, как же я могу догадаться... (Врешь, милая! Уже догадалась. Иначе зачем бы он взял тебя за руку?..)

— Не догадываетесь? Вы, такая чуткая, такая красивая...

Красота тут, конечно, ни при чем, но — каши маслом не испортишь.

Скачите дальше:

— Вы... не догадываетесь? Вы, у которой сердце звучит, как Эолова арфа, под малейшим порывом налетевшего ветерка, вы, у которой глаза, как зеркальная лазурь Лаго-Маджиоре, проникающая, как стрела, в самую глубину сознания бедного больного человеческого сердца, бьющегося в унисон с теми тонкими струнами... которая...

Такой разговор требуется минут на шесть. Ничего, что глупо. Зато складно. Тут тебе и Эолова арфа и Лаго-Маджиоре, и унисон. Советую напирать на смысл, а, главным образом, на звук голоса, на музыку.

Очень рекомендуется, не окончив фразы, нервно вскочить махнуть рукой и, наскоро попрощавшись, уйти.

Это производит впечатление. А кроме того, и из запутанной фразы выкрутитесь.

На третий день смело входите и говорите такую на первый взгляд странную фразу:

— Мэри! (Или Ольга, или Эльза). Что вы со мной делаете?!

— А что такое? Что я с вами делаю?

— Посмотрите на меня: (не нужно забывать — еще в передней — смахнуть платком пудру с лица. Но — осторожно: жженая пробка под глазами может размазаться). Вы видите?!

— Да, вид у вас неважный... Но разве я виновата?..

— Вы виноваты! Только вы. Вы приходите ночью к моему изголовью, и... и... я больше так не могу!!!

По общечеловеческой логике нужно бы ответить на это так:

— Чего вы ко мне пристали с вашим изголовьем? Мало ли какая ерунда будет вам снится? Что ж, я за это должна и отвечать?!

Но... ни одна женщина не скажет так. Нужно знать женщину.

Она только воскликнет:

— Боже мой! Но разве я этого хотела?! Мне самой тяжело, что вы так мучитесь...

Слышите? Ей тяжело! Она, значит, вам сочувствует. Она, значит, как говорят

профессиональные рыболовы, — «зацепилась на крючок».

В этом месте я подхожу к самому деликатному вопросу, о котором мне, при моей застенчивости, трудно и слово вымолвить.

Вы должны ее поцеловать.

Только, ради Бога, не сразу.

Не обрушивайтесь на нее, как глетчер, не рычите, как бегемот.

Тихо, деликатно возьмите за руки. Приблизьте свои глаза к ее глазам (губы, как известно, покорно следуют за глазами — деваться им некуда). Ближе... Ближе... Загляните в таинственную бездну ее глаз.

И вот — в этой позиции сразу и не разберешь: вы ли ее поцеловали, она ли вас.

Конечно, дальнейших советов я не могу давать. Я слишком скромн для этого. Можете даже, поцеловав, пойти домой — и на этом успокоиться.

* * *

Знавал я одного человека, который всю рассказанную мною поэтичную процедуру невероятно упрощал. Именно, оставшись с женщиной наедине, бросался а нее, точно малайский пират, и принимался ее целовать.

Я как-то спросил его возмущенно:

— Как можешь ты так по-разбойничьи вести себя с женщиной? А если получишь отпор? Скандал?!

— Отпор бывал часто. А скандалу не было. Женщина предпочитал молча, без крику, отвесить пощечину.

— Ага! Значит, ты получаешь пощечины?!

— Ну, от женщины не считается. И потом на 100 женщин — только 60 дерутся. Значит, я работаю в предприятии из 40 % чистых. Этого не приносят владельцам даже самые лучшие угольные копи или учетный банк.

— А вдруг жена пожалуется мужу?

— Побойтесь! Ты не знаешь мужей. Муж никогда не поверит, чтобы человек ни с того ни с сего — полез целоваться. «Ага, — скажет он. — Значит, ты перед этим кокетничала, значит, дала повод?!» Нет, это штука безопасная.

Этот пример я привел для того, чтобы сказать, что я отношусь к такой манере ухаживать с отвращением. Я — поэт и нахожу, что всякое красивое чувство не должно быть оптовым — с исчислением процентов прибыли.

Как поэт — еще раз говорю: лучший прием для успеха, это «вы мне снились». Долбите, как детям, пока не подействует.

* * *

Другой мой знакомый, как он сам выражался: «работал фарфором». Прием, по-моему, тоже дешевый.

Однажды купил он на аукционе прескверную кошку и китайца, которого если ткнуть в затылок — он начинал мотать головой. С тех пор владелец этих вещей говорил всем дамам, на которых имел виды:

— Старинный фарфор любите?

Какая уважающая себя дама осмелится ответить «не люблю»?

— Люблю, — ответит она.

— Очень?

— Ах, ах, ужасно люблю!!!

— У меня есть очень недурная коллекция старинного фарфора. Не хотите ли зайти осмотреть?

— Гм!.. Удобно ли это? Впрочем...

Часто дама, уже собираясь уходить и надевая перед его зеркалом шляпу, вспоминала:

— Да! А где же этот твой знаменитый фарфор?

— А вот там стоит. Ткни китайца в затылок. Видишь, как забавно? Настоящий, брат, алебастр!

И долго еще после ухода парочки — китаец с задумчивой иронией качает выдавшей виды головой.

* * *

Последний совет: женщина, даже самая бескорыстная, — ценит в мужчине щедрость и широту натуры. Женщина поэтична, а что может быть прозаичнее скупости?...

Любящая женщина, которая с негодованием откажется от любой суммы денег, — ни слова не возразит вам, если вы купите ей билет в театр или заплатите за нее в кафе.

Один известный мне человек сразу погиб во мнении любящей женщины после того, как, расплачиваясь в кафе, стал высчитывать:

— Два стакана кофе с булочками — 3,5 марки. Ты пила белый кофе, я черный — значит, с меня на 0,5 марки меньше. Да, ты откусила своими очаровательными белыми зубками у меня кусок пирожного, приблизительно, одну треть, — значит, с тебя еще 20 пфеннигов. С тем, что я платил за тебя в трамвае — с тебя, царица души моей, — 2 марки 35 пфеннигов.

Нужно ли говорить, что на таком пустяке этот идиот сломал себе шею, хотя и был красив как бог.

* * *

Кстати, вы, может быть, спросите: а где же советы, как ухаживать не за дамами, а за девушками.

Этих советов я не могу дать.

Потому что за девушками не «ухаживают».

Им делают предложение и женятся.

После же женитьбы молодой человек может прочесть мое руководство сначала.

И то руководство это будет полезно не тому, который женился, а другому молодому человеку — постороннему.